

Владимир А. Федоров

ПРИСОЕДИНЕНИЕ УНИАТОВ ЗАПАДНЫХ ГУБЕРНИЙ РОССИИ К РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В 30–40-х ГОДАХ XIX В.

В 1596 г. на церковном соборе в г. Бресте был принят акт об объединении епархий русской православной церкви на территории Белоруссии и Правобережной Украины, входивших тогда в состав Речи Посполитой, с католической. Православная церковь белоруссов и западных украинцев признавала своим главой римского папу, но сохраняла православную обрядность и богослужение на церковно-славянском языке. Брестская уния возникла тогда в силу политических мотивов.

После первого раздела Польши в 1772 г. Екатерина II приказала объявить губернаторам во вновь присоединенных областях соблюдать свободу веры, сохранять полную неприкосновенность и равенство трех христианских церквей – римско-католической, униатской и православной. Однако в 1780 г. православному духовенству было разрешено склонять униатов к воссоединению с православием. В результате их деятельности в 1781–1783 гг. были присоединены к православию 117 тыс. униатов. После второго раздела Польши в 1793 г., когда основная часть Правобережной Украины и Белоруссии вошла в состав России, началось массовое воссоединение с православием и униатов, преимущественно украинских земель. Правительство тогда воздерживалось от крайних мер, и воссоединение проходило в основном добровольно. К концу царствования Екатерины II таким образом были „воссоединены” с православием около 2 млн. униатов. Примерно столько же (в Белоруссии, Литве, на Холмщине) твердо держались униатского обряда, который был верой их отцов и дедов, освященной многолетней традицией. Павел I восстановил две униатских епархии – Луцкую и Брестскую. Положение униатов было при нем легализовано российским законодательством. В 1798 г. был учрежден Департамент

римско-католического вероисповедания. В ведении его находились и униаты, за которыми и за католиками, признавалось право свободы вероисповедания. В 1804 г. была образована Центральная римско-католическая духовная коллегия, в которой находились и представители от униатских епархий, а в 1805 г. в составе этой коллегии был образован Униатский департамент. Заметим, тогда было время „правительственных симпатий к католицизму” вообще, что было связано с наплывом французских эмигрантов-роялистов, в основном католиков, а российское правительство покровительствовало этой эмиграции. Была легализована деятельность ордена иезуитов, которые имели свои духовные школы и академии в Петербурге и Полоцке. Аристократические семьи отдавали своих детей в иезуитские школы и пансионы (в таковых учились, например, будущие декабристы М. С. Лунин и П. Н. Свистунов). Сама уния признавалась чем-то „незаконнорожденным”, но „терпимым” явлением. Православные, католики, униаты на территории Украины и Белоруссии мирно уживались между собой, а светская власть, и официальная православная церковь не вмешивалась в их вероисповедные дела. Тогда униат ходил и в католический костел и в православную церковь, что свидетельствовало о народной веротерпимости.

Но уже в царствование Александра I при первых поползновениях правительства „увлечь” униатов в сторону официального православия, униаты реагировали на них решительным отказом. В 1807–1808 гг. под влиянием слухов о ликвидации унии более 50 тысяч униатов перешли на католичество. Но решительные шаги к ликвидации унии были предприняты в царствование Николая I. Тогда же начались и гонения на русское старообрядчество, ибо Николай I рассматривал религиозное „диссидентство” опасным не только в религиозном, но и в политическом отношении – неповиновение официальной православной церкви, по его мнению, подготавливало умы и к неповиновению самодержавной власти и давало этому неповиновению свое идеологическое оправдание. Поэтому в религиозном диссидентстве он усматривал и „крамолу” политическую.

Рьяным исполнителем воли светской власти в деле присоединения униатов к русской православной церкви стал бывший униатский епископ, затем митрополит литовский, Иосиф Семашко. В своем сочинении об унии, начатом им в 1827 г., он пытался „исторически” обосновать необходимость такого акта. „В 1596 г. – писал он – папа наслаждался удовольствием видеть припадающих к ногам своим и оные лобзающих русских епископов; каковое свое торжество, а русских позор, и медалью увековечил”. Он доказывал, что проведенная „происками нескольких лиц” уния не имела твердого основания, лишь половина православного в Польше населения вынуждена была „оставить (православное)

благочестие". Видную роль в деле „воссоединения униатов” сыграл и обер-прокурор Синода Н. А. Протасов, николаевский генерал.

Поводом к решительным мерам ликвидации унии послужило ноябрьское восстание в Польше в 1830 г. Историк унии профессор М. Коялович пишет, что оно „показало правительству как нельзя яснее всю опасность латинского направления в унии и всю благотворность для России воссоединения униатов”. Акт воссоединения униатов с православием призван был решить две задачи: лишить религиозной опоры национально-освободительного движения поляков в данном крае и вместе с тем послужить важным средством обрусения западных губерний России, входивших некогда в состав Польши.

„Воссоединение” проходило при содействии полицейских властей и с помощью военной силы, которые, по выражению самого Николая I, „брали неприятельские крепости униатства”. Так, например, в 1833 г. была взята „униатская крепость” – Почаевская лавра на Украине с помощью „кордона жандармов” и размещенного в ее окрестностях („на всякий случай”) отряда кавалерии с артиллерией. „Полицейские преследования, доведенные до крайних пределов, характеризуют вероисповедную политику николаевского царствования – писал историк С. П. Мельгунов в своей книге *Из истории религиозно-общественных движений в России в XIX в.* (Москва 1919) – *Анналы превращения униатов в православных полны описаниями инцидентов, где фигурируют воинские команды, сечение и пр.*”

Началось энергичное „очищение унии от примесей латинских” – устройство в алтарях иконостасов, введение служебников православных московского издания 1831 г., запрещение священникам-униатам брить бороды. Было запрещено детям униатов ходить в „латинские школы”. В униатских епархиях закрывались монастырские училища и создавались русские духовные семинарии. К 1834 г. все епископские места в униатских епархиях были заняты либо православными, либо сторонниками присоединения унии к православию. К 1835 г. было закрыто более двух третей базилианских (в основном униатских) монастырей на территории Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины.

В 1837 г. униатская коллегия была преобразована в одно из ведомств православного исповедания в составе Синода. В 22 декабря 1838 года был образован специальный секретный комитет по униатским делам, а по существу по разработке секретной программы ликвидации унии. В этот комитет вошли шеф жандармов А. Х. Бенкендорф, обер-прокурор Синода А. Н. Протасов, главноуправляющий делами иностранных исповеданий Д. Н. Блудов и министр государственных имуществ П. Д. Киселев. В комитет для разработки программы против униатства были также „приглашены” генерал-губернаторы – виленский Дьяков

и волынский Н. А. Долгоруков, которым предстояло содействовать духовным и полицейским властям проведение правительственных мер по воссоединению униатов с православной церковью. И духовные и светские власти прекрасно понимали, что нельзя полагаться только на методы убеждения. Один из наиболее воинствующих епархов епископ Смарагд откровенно заявлял: „Одною проповедью и похвалбою православия ничего взять нельзя. Теперь не апостольские времена”. Из опасения народных волнений решено было в наиболее угрожаемые и „неспокойные” уезды „под благовидным предлогом” ввести войска, о чем были разработаны и соответствующие инструкции, как им предстояло действовать. Губернаторам предписано, чтобы они разослали уездным предводителям секретные письма, в которых предводители должны были объявить местным помещикам (в основном полякам), что вопрос об упразднении унии уже решен в высших кругах России и что помещики всецело отвечают за сохранение спокойствия в своих имениях во время проведения акции упразднения унии. В противном случае перед помещиками стояла угроза взятия их имений в опеку. Также было постановлено, что активно сопротивлявшихся этой акции униатов („мятежников”) предавать военному суду, с последующей их ссылкой в Сибирь.

25 марта 1839 г. Николай I утвердил „синодальное деяние” (решение) „о слиянии греко-униатской церкви с православием”. В память этого события в 1839 г. была выбита медаль с характерным девизом: „Отторгнутые насилеием воссоединены любовью”. Этот царский указ официально объявлял унию упраздненной на территории России, за исключением Холмской епархии, в которую входили Седлецкая, Люблинская и Сувалкская губернии. Полтора миллиона униатов 1800 приходов Литвы, Белоруссии и Правобережной Украины отныне считались „присоединенными” к русской православной церкви. Сохранялись только те обряды и обычаи, которые не противоречили сущности православия. Епархиальное униатское духовенство было более сговорчивым и пошло на сотрудничество с царскими духовными и светскими властями в деле упразднения унии, тем более, что за ними сохранялись при этом условии прежние духовные должности. Однако приходское духовенство, тесно связанное со своей паствой, оказало существенное противодействие. Сопротивлявшихся униатских священников лишали сана, приходов, переводили в причетники, высылали в великорусские губернии, подвергали заточению в специально основанном для этого в Курской губернии монастыре. На их места присылали русских православных священников, которые совершали „освящение церквей” по православному обряду. При этом власти стремились придать акции „воссоединения” униатов с православием

„добровольный” характер. Обычно путем угроз или подкупа заставляли двух–трех прихожан написать заявления о „согласии” перейти в православие. На этом основании уже весь приход объявлялся „согласившимся”. Таким путем были составлены акты на 1200 униатских приходов в Белоруссии. Большинство приходов заявило протест. В знак протеста прихожане собирались около церквей, не допуская в них православных священников. В помощь последним призывалась полиция.

Обычными были сцены, когда полицейские власти выбрасывали церковные униатские предметы из храмов, а затем начинали чуть ли не поголовное сечение упорствующих до тех пор, пока последними не будет признан переход в православие. Бывали случаи, когда женщины разбивали своих младенцев о камень, при попытке казаков тащить их крестить. Войска оставались в наиболее „беспокойных” общинах до тех пор, пока эти общины, разоряемые постаями, не изъявляли „добровольного согласия” подчиниться требованиям православных властей. А после полицейские власти преследовали прихожан штрафами: за некрещение детей в православных церквях, за нехождение в эти церкви, за отказ от исповеди и причастия, за ношение бороды униатскими священниками.

Активное сопротивление в 40-х годах зафиксировано в 111-ти униатских приходях Белоруссии. Примером может служить упорная борьба прихожан села Дудаковичи Могилевской губернии. В 1841 г. толпа прихожан с цепями и вилами прогнала полицию. На помощь последней прибыла военная команда, которая окружила церковь с толпой и держала ее в осаде четыре дня, хватая старших по возрасту и подвергая их сечению. Временно путем прихожан привели к „согласию” на переход в православие, но борьба безостановочно продолжалась еще 11 лет.

Католические церковные историки унии приводят многие другие потрясающие факты надругательств и насилия над униатским населением при обращении его в православие (например, „зашивание в мешки и купание в озере”). Православные церковные историки естественно пытались отрицать эти факты, представляли их как „измышления католического духовенства” и „интриги иезуитов”.

Однако о суровых мерах при упразднении унии в западных губерниях говорились в секретных отчетах и донесениях, которые направлялись русскими миссионерами и полицией в Петербург и которые отложились в центральных архивах. Впрочем, о фактах насилия свидетельствует в своих *Записках* и сам Иосиф Семашко (*Записки* его были изданы в 1883 г. с приложением трех томов документов о ходе ликвидации унии). Сведения о религиозных гонениях проникли и в западно-европейскую прессу, то вызвало определенный международный резонанс.

Формально присоединенные к православию в массе своей демонстрировали потом „отпадения” от него, что выражалось обыкновенно в нежелании идти в православную церковь и обращаться за исполнением треб к православным священникам, десятки тысяч униатов переходили в католичество, за которым признавалось право легального существования в пределах России. Таким образом, велеречивые заявления московского митрополита Филарета, который содействовал упразднению унии и был в курсе всех разрабатывавшихся в 30-х годах секретных против нее мер, о том, что этот акт был совершен „по правилам веротерпимости”, являлся актом „добровольного согласия”, находятся в вопиющем противоречии с действительностью. В течение последующих двух десятилетий применялись меры грубого насилия против униатов, отпадавших от православия, о чем неоднократно писал в *Колоколе* А. И. Герцен (см. его статьи *Секущее православие*, *Бешенство православия* и др.) В 1859–1960 гг. виленскому генерал-губернатору В. И. Назимову даже приходилось „умерять пыл” наиболее ретивых православных миссионеров и полиции, сурово расправлявшимися с непокорными униатами.

Польское восстание 1863–1864 гг. дало повод для новых репрессий против унии. Теперь разгрому уже подверглись униатские приходы Холмской епархии, которые были „пощажены” в 1839 г. Гонениями здесь на униатов особенно отмечены 1868 и 1875 годы. Штрафы, налагаемые на непокорные общины (достигавшие до 9 тыс. рублей), насильственные крещения, телесные наказания, высылки – таковы были меры по „искоренению” унии. Так, седлецкий губернатор С. Громека обходил униатские села с войсками, подвергая непокорных телесным наказаниям и заключению в местные тюрьмы. „Бывали случаи – пишет историк С. П. Мельгунов – когда пороли все население без исключения, в том числе и женщин от 16 до 80 лет, с целью заставить принять новые молитвенники или новых священников”. Нередко до половины домохозяев сидело в тюрьмах. Униатов насильно причащали по православному обряду, отбирали детей для православного крещения, морили голодом арестованных, „запрягали в сани и погоняли их нагайками”.

В 1875 году в числе других мер по инкорпорации Польши в составе Российской империи было объявлено и о ликвидации унии на Холмщине (в Седлецкой, Люблинской и Сувалской губерниях). Однако официально запрещенная уния на практике продолжала существовать. В борьбе против православной церкви униатов поддерживала и католическая церковь, преследовавшая цели укрепления своего влияния в западных губерниях России. В противовес ей во второй половине XIX в. стали усиленно создаваться новые православные миссионерские „братства”,

субсидируемые правительством. Миссионерские съезды, созывавшиеся на рубеже XIX–XX вв., в числе прочих вопросов разрабатывали и меры по „искоренению” униатства.

Последним актом борьбы с унией явилось провозглашение в 1946 г. об отмене Брестской унии 1596 г. Оформлено это было на специально созванном для этого церковном соборе во Львове. Униатские приходы на Львовщине и в Закарпатской Украине были объявлены православными и присоединенными к русской православной церкви. И этот официальный акт об упразднении унии на территории, присоединенной к СССР в 1939–1940 гг., отнюдь не означал фактического упразднения ее на деле, поскольку униатское население не признало этого акта и упорно продолжало (и теперь продолжает) держаться „веры своих отцов и дедов”.

Władimir A. Fiodorow

PRZYŁĄCZENIE KOŚCIOŁA UNICKIEGO W ZACHODNICH GUBERNIACH ROSJI DO ROSYJSKIEJ PRAWOSŁAWNEJ CERKWI W LATACH 30–40 XIX W.

W 1596 r. na synodzie w Brześciu Litewskim doszło do zawarcia unii kościelnej między przedstawicielami kościoła katolickiego a niektórymi dostojnikami cerkwi prawosławnej. Na mocy unii brzeskiej kościół prawosławny na terytorium ówczesnej Rzeczypospolitej podporządkował się władzy Rzymu, zachowując liturgię obrządku wschodniego i odrębność hierarchii kościelnej. Po rozbiorach Polski w końcu XVIII w. większość ludności unickiej weszła w skład Rosji, lecz ze strony rządu carskiego nie podjęto żadnych kroków przeciwko kościołowi unickiemu (a Paweł I wręcz legalizował kościół). Dopiero Mikołaj I po powstaniu listopadowym w 1830 r., które kościół unicki poparł, przystąpił do zdecydowanych działań przeciwko unitom. 25 marca 1831 r. car ogłosił dekret o „połączeniu kościoła greko-unickiego z prawosławiem”. Na mocy tego aktu 1,5 mln. ludności unickiej skupionej w 1800 parafiach na Litwie, Białorusi i prawobrzeżnej Ukrainie uważane było od tej pory za „przywróconych” cerkwi prawosławnej.

Powstanie styczniowe w 1863 r. posłużyło jako pretekst dla nowej fali represji przeciwko kościołowi unickiemu, tym razem na terytorium Królestwa Polskiego (w guberniach siedleckiej, lubelskiej i suwalskiej wchodzących w skład chełmskiego biskupstwa unickiego). W 1875 r. biskupstwo chełmskie zostało oficjalnie zjednoczone z kościołem prawosławnym.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобровский П. О., *Русская греко-униатская церковь в царствование императора Александра I*, С. Петербург 1889.
Василенко Н., *Уния. В энц.-словаре Борокгауза и Ефрона*, т. 34, ч. 2, с. 818–831 (литература, с. 831).

- Герцен А. И., *Бешенство православия*, „Колокол” 1858, лист. 27.
- Герцен А. И., *Секущее православие*, „Колокол” 1860, лист. 77–78.
- Записки Иосифа, митрополита литовского*, С. Петербург 1883, т. 1–3.
- Крачковский Ф. Ф., *Пятидесятилетие воссоединения западно-русских униатов с православной церковью. Архив юго-западной России*, ч. 1, С. Петербург 1889.
- Киприанович Г. Я., *Жизнь Иосифа Семашки, митрополита литовского и виленского*, Вильна 1897.
- Коялович М., *История воссоединения униатов старых времен*, С. Петербург 1873.
- Коялович М., *Литовская церковная уния*, С. Петербург 1861.
- Мельгунов С. П., *Из истории религиозно-общественных движений в России XIX в.*, Москва 1919.
- Морошкин М. М., *Воссоединение унии*, „Вестник Европы” 1872.
- Наумович И., *Пятидесятилетие (1839–1880) воссоединения с православной церковью западно-русских униатов*, С. Петербург 1889.
- Сушков Н. В., *Воспоминание о митрополите литовском и виленском Иосифе и об уничтожении унии в России*, „Чтения Общества истории и древностей российских” 1869, кн. 1 и отд. изд., Москва 1869.
- Хойнацкий А. Ф., *Западно-русская уния в ее богослужениях и обрядах*, Киев 1871.
- Чистович И. А., *Очерки истории западно-русской церкви*, ч. 1–2, 1882–1884.
- Чистович И. А., *Пятидесятилетие воссоединения с западно-русских униатов. Обзор событий в царствование императора Николая I*, С. Петербург 1890.
- Щавельский Г., *Последнее воссоединение с православною церковью униатов Белорусской епархи*, С. Петербург 1910.